

© 2006 г. Б. ХАНЗЕН

НА ПОЛУПУТИ ОТ СЛОВАРЯ К ГРАММАТИКЕ: МОДАЛЬНЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье выдвигается гипотеза о том, что “модальные вспомогательные слова” (МВС) в славянских языках представляют собой особый тип полуграмматических вспомогательных слов, которые образуют класс с нечеткой прототипической структурой. МВС – это полифункциональные выражения модальности, у которых одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом. Показывается, что МВС проходят процесс грамматикализации и постепенно переходят от словаря к грамматике. Мы имеем дело с типологически распространенной, но не обязательно универсальной категорией, которая представлена и в германских и в славянских языках.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной работе “модальное вспомогательное слово” (МВС) понимается как в определенной степени грамматикализированное выражение модальности. Ниже выдвигается гипотеза о том, что модальные вспомогательные слова представляют собой особый тип полуграмматических вспомогательных слов, которые образуют категорию с нечеткой прототипической структурой, отражающей их постепенный переход от словаря к грамматике, т.е. среднюю степень их грамматикализации. Грамматичность понимаем как градуальное свойство, опирающееся на комплекс признаков, который охватывает не только обязательность значений, но и регулярность их выражения, которая в свою очередь реализуется в строгой композициональности и широкой сочетаемости со всеми типами глаголов. Категория МВС встречается не только в германских, но и в славянских и многих других языках. Таким образом, мы имеем дело с типологически распространенной, но не обязательно универсальной категорией, причем термин “категория” понимается в широком смысле как класс элементов. В статье представлено описание МВС в славянских языках на основе теории г р а м м а т и к а л и з а ц и и ¹.

1. МОДАЛЬНЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА (МВС) В ТРАДИЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Термин “модальный глагол” или “модальное вспомогательное слово”² прочно утвердился в лингвистике германских языков. В каждом справочнике английской, датской или немецкой грамматики отдельные главы отведены теме “модальные (вспомогательные) глаголы”. Класс немецких модальных глаголов включает в себя *können* ‘мочь’, *möchten/mögen* ‘хотеть/мочь’, *müssen* ‘должен’, *sollen* ‘должен был бы’, *wollen* ‘хотеть’ и периферийно *nicht brauchen* ‘не нужно’, *haben* ‘иметь’, *sein* ‘быть’, *gehören* ‘полагаться’

¹ Основные принципы этой теории изложены в работах [Heine 1993] и [Lehmann 1995].

² “Модальное вспомогательное слово” – перевод английского *modal* или *modal auxiliary*. О терминах “модальное вспомогательное слово” и “модальный вспомогательный глагол” см. раздел 2 настоящей работы.

[Zifonun et al. 1997: 1252–1282]. Для немецких модальных глаголов характерны в первую очередь два признака:

1. Они управляют простым инфинитивом глагола, а не сложным инфинитивом с аффиксом *zu*:
 - (1) нем. *Klaus will morgen kommen*. ‘Клаус хочет прийти завтра’.
 - (1') нем. *Klaus beabsichtigt morgen zu kommen*. ‘Клаус намерен прийти завтра’.
2. Они имеют специфическую форму в настоящем времени: *will-Ø* 1./3. л. ед. ‘хочу/хочет’ vs. *beabsichtig-elbeabsichtig-t* 1./3. л. ед. ‘собираюсь/собирается’.

Эти два признака встречаются и у других глаголов, но в этих случаях они не выступают вместе: глаголы восприятия и каузативный глагол *lassen* ‘давать’ сочетаются с простым инфинитивом без *zu*, но спрягаются как обычные полнозначные глаголы. Напротив, глагол *wissen* ‘знать’ спрягается как модальный глагол, но сочетается со сложным инфинитивом с *zu*:

- (2) нем. *Ich hör-e Klaus kommen*.
‘Слышу, как идет Клаус’.
- (3) нем. *Klaus lässt-t das Auto reparieren*.
‘Клаус отдаёт машину в ремонт’.
- (4) нем. *Klaus weiß-Ø sich zu helfen*.
‘Клаус сам справляется’.

Английские модальные глаголы: *can/could* ‘мочь’, *may/might* ‘мочь’, *must* ‘должен’, *shall/should* ‘должен был бы’, *will/would* ‘будет’ и *ought to* ‘должен был бы’, *need* ‘нужно’, *dare* ‘сметь’ на периферии; см. работу [Palmer 2001: 100]. Как и немецкие модальные глаголы, они имеют специфическую флексию и управляют простым инфинитивом глагола, а не сложным инфинитивом с морфемой *to*. Кроме того, они имеют некоторые синтаксические признаки, отличающие их от регулярных глаголов: например, модальные глаголы выступают с отрицанием без вспомогательного глагола *do* (пример 5); в вопросительных предложениях они в отличие от полнозначных глаголов стоят на первом месте (пример 6); они употребляются с эмфатическим подтверждением (пример 7):

- (5) англ. *I can't go. – I don't go.*
‘Не могу пойти.’ – ‘Не пойду’.
- (6) англ. *Must he come? – Does he come?*
‘Ему надо прийти?’ – ‘Он придет?’
- (7) англ. *He will be there. – He does read a book.*
‘Он будет там.’ – ‘Он читает книгу’.

Если сравнить германские языки между собой, то окажется, что модальные глаголы в отдельных языках проявляют скорее индивидуальные морфологические и синтаксические признаки. Таким образом, они в определенной степени отличаются друг от друга даже в таких близко родственных языках, как датский и шведский: некоторые шведские глаголы с немодальным значением используются с простым инфинитивом глагола как модальные глаголы, в то время как их датские эквиваленты требуют инфинитива с морфемой *at*, эквивалентом немецкого *zu* или английского *to* (например, швед. *forsöka göra* – дат. *forsøge at gøre* ‘пытаться делать’). Типологическое исследование [King 1996] показало, что специфическая морфологическая и синтаксическая маркировка модальных глаголов представляет собой особенность германских языков. С типологической точки зрения, можно прийти к выводу, что МВС как правило не склонны к образованию особой морфологической или морфосинтаксической формы.

Как явствует из названия, большинство глаголов, которые мы относим к классу модальных глаголов, имеет модальное значение. При этом модальность понимается в узком смысле как описание “альтернативных миров”, которое содержит значения возможности, необходимости или желания. Однако следует указать на то, что во всех германских языках можно найти отдельные глаголы, которые, обнаруживая формальные признаки класса, могут иметь немодальное значение. К ним относятся, например, немецкий глагол *mögen*, который кроме ‘возможности’ может иметь значение ‘любить’ или ‘пустить’, немецкий *sollen* ‘должен был бы’ с эвиденциальным значением³ или английский *will* ‘будет’ со значением будущего времени:

- (8) нем. *Ich mag kein Eis*. ‘Не люблю мороженое’.
(9) нем. *Mag er auch klug sein, sympathisch ist er mir nicht*. ‘Пусть он даже очень умный, он мне не приятен’.
(10) нем. *Sie soll sehr reich sein*. ‘Говорят, что она очень богата’.
(11) англ. *Tomorrow will be cloudy*. ‘Завтра будет облачно’.

В отличие от лингвистики германских языков, термин МВС присутствует не во всех областях славянского языкознания. Многие ученые не считают выражения необходимости, возможности и желания частью грамматики и, следовательно, не признают модальные вспомогательные слова классом *sui generis*. Часто модальность считается лексическим феноменом, и не предпринимается никаких попыток дифференцировать отдельные средства выражения. Не делается различия между такими центральными выражениями, как, например, между русским глаголом *мочь*, с одной стороны, и модальным прилагательным *возможный* или существительным *возможность* – с другой (ср. русскую грамматику [Шведова 1980]⁴, польскую [Grzegorzcykova et al. 1998] или хорватскую [Barić et al. 1995]). Иной подход к модальности находим в словацкой, чешской и лужицкой традициях грамматических описаний. Словацкие и чешские лингвисты уже давно используют термины “*modálne slovesá*” ‘модальные глаголы’ или “*základný modálny výraz*” ‘основное модальное выражение’, “*vlastní modální (způsobová) slovesa*” ‘собственные модальные (вспомогательные) глаголы’ и описывают выражения необходимости, возможности и желания более подробно в грамматиках (ср. словацкую [Mistrík 1983] и чешские грамматики [Petr et al. v. II 1986/87] и [Karlik et al. 1995]). Соответственно, в грамматике верхнелужицкого языка [Faßke 1981] употребляется термин “*Modalverben*” ‘модальные глаголы’, которые рассматриваются как “*Hilfsverben*” ‘вспомогательные глаголы’ [Там же: 68–80].

Спорным в лингвистике германских языков остается вопрос о том, образуют ли модальные глаголы класс *sui generis*, отличающийся от части речи “глагол”, или являются ли они семантическим глагольным подтипом; например, авторы грамматики немецкого языка [Zifonun et al. 1997] причисляют их вместе с вспомогательными глаголами, рассматриваемыми в узком смысле, к так называемым “глагольным инфинитивным операторам” (“*verbale Infinitivoperatoren*”), отделяя их таким образом от основных глаголов, в то время как в работе Öhlschläger’a (1984) представлена противоположная позиция. Однако, несмотря на эту научную дискуссию, во всех описаниях германских языков МВС считаются частью грамматики.

В русскоязычной традиции термин “вспомогательное слово” обычно связывается с феноменом “аналитических форм”. “Аналитическим принято называть неморфологическое выражение грамматического значения” [Плунгян 2003: 131]. Аналитиче-

³ “Категория эвиденциальности маркирует источники информации, выражаемой говорящим во время речевого сообщения” [Мельчук 1998: 199]; об отношении между эвиденциальностью и модальностью см. работу [Храковский 2005].

⁴ В этой грамматике все эти выражения рассматриваются как лексические элементы [Шведова 1982: 215].

ские показатели обычно выделяют с помощью так называемого “критерия Смирницкого” [Смирницкий 1959: 62–85]: аналитическим считают показатель, который выражает грамматическое значение, причем какие-то другие граммы данной категории имеют морфологическое выражение; например, несовершенное будущее время в русском языке выражается с помощью аналитического показателя *буд-*, а другие граммы категории времени, т.е. настоящее и прошлое времена, – морфологически [Плунгян 2003: 131]: *буду жить – живу – жил*. Критерий Смирницкого принципиально исключает существование полностью аналитической парадигмы.

Так как в славянских языках ни один тип модальных значений (т.е. возможности, необходимости или желания) не выражается морфологическим способом, т.е. флексией, конструкции с МВС по критерию Смирницкого не считаются аналитическими формами глагола. Это и тот факт, что МВС в славянских языках не несут специфической морфологической маркировки, объясняет, почему в русском языкознании показатели модальности относятся к словарю и не описываются в грамматике. При такой трактовке, однако, упускается из виду, что некоторые показатели модальности, а именно МВС, обнаруживают некие черты грамматичности, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

К сожалению, объем статьи не позволяет подробно проанализировать обширную литературу по данной теме. Поэтому ограничимся лишь перечислением наиболее важных из общих работ, посвященных проблеме модальности: [Palmer 2001; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Hansen 1998; 2001; 2004a; Hansen (в печати); Jachnow 1994; Lyons 1977; van der Auwera, Plungian 1998; Плунгян 2003; Булыгина, Шмелев 1997; Бондарко 1990; Hansen, Karlik 2005]; описание модальности в отдельных языках, ср.: русский – [Булыгина, Шмелев 1997; Бондарко 1990; Шатуновский 1996; Hansen 1998, 2001]; польский – [Kaḡny 1980; Rytel 1982; Weiss 1987; Hansen 1998; 2001]; чешский – [Rytel 1982; Benešová 1971; Hansen 1998]; словацкий – [D’urovič 1956; Mistrík 1983]; верхнелужицкий – [Faßke 1981; Hansen 1998]; сербский / хорватский [здесь и далее написание названий языков авторское. – *Ред.*] – [Kalogjera 1982; Hansen 1998; 2001]; болгарский – [Korytkowska 1977; Hansen 1998]; старославянский – [Večerka 1996; Pallasová 1990; Hansen 2001]. Дискуссию о статусе вспомогательных слов находим между прочим в работах [Жирмунский, Суник 1965; Смирницкий 1959; Мельчук 1997–98; Плунгян 2003; Heine 1993; Anderson 2000].

2. “ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СЛОВО” КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЙ КЛАСС С НЕЖЕСТКОЙ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ

В этой части нашей работы попытаемся доказать, что МВС следует рассматривать как типологически релевантный класс, который представлен не только в германских, но и в славянских языках. К этому классу относятся слова с морфологией не только глагола (типа мочь), но и имени существительного и прилагательного (типа *должен*). Поэтому мы используем термин “модальное слово”, а не термины Н.Ю. Шведовой “модальный глагол” и “модальный предикатив” [Шведова 1982: 215].

МВС – это особый вид вспомогательных слов; последние можно охарактеризовать как морфологически автономные слова⁵, которые выступают в сказуемом и, которые, несмотря на их морфологическую форму, выполняют грамматические или квазиграмматические функции. Они не образуют закрытое множество и находятся в процессе г р а м м а т и к а л и з а ц и и, т.е. они переходят от полнозначных слов к сильно десемантизированным элементам. Б. Хайне определяет вспомогательное слово следующим образом: “[Это] уже не полностью лексический элемент, но еще и не грамматическая флексия, и оно может проявить признаки, характерные для переходной зоны между лексическими элементами и флективными формами” [Heine 1993: 86 – перевод Б. Хан-

⁵ Термин “автономность” мы понимаем вслед за В.А. Плунгяном и И.А. Мельчуком как способность образовывать полные, хотя и эллиптические высказывания [Плунгян 2003: 19; Мельчук 1997: 157 и сл.].

зена]. В отличие от Б. Хайне, который придерживается мнения, что вспомогательные слова образуют категорию, базирующуюся на принципе семейного сходства (Виттгенштейнское понятие “Familienähnlichkeit”), мы предлагаем рассматривать их как нечетко ограниченную категорию с прототипической структурой. Категория, базирующаяся на прототипичности, не может быть определена рядом необходимых и достаточных свойств; скорее, она отличается следующими признаками:

- Не каждый член категории является равным представителем своей категории.
- Прототипические члены одной категории разделяют максимальное количество признаков между собой и минимальное с членами противоположных категорий.
- Категории нечетко ограничены.

Прототипические вспомогательные слова, формирующие центр категории, характеризуются множеством семантических, морфологических и синтаксических признаков. Категория имеет сжатый центр и “размытую” периферию, которая образует переходную зону к соседним категориям. Такое понимание лингвистических категорий соответствует и принципам Пражского функционализма:

“[...] классы (и подклассы) элементов должны рассматриваться не как ‘коробки’ с четко определенными границами, а как структура с небольшим ядром (центром) и с постепенным переходом в расплывчатую периферию, которая, в свою очередь, постепенно переходит (проникает) в периферийную зону соседней категории” [Daneš 1966: 11 – перевод Б. Ханзена].

Прототипические или полностью сформировавшиеся МВС можно определить следующим образом:

Определение 1: Вспомогательное слово – это выражение модальности, времени или вида. Оно сопровождает основной глагол, с которым оно образует сказуемое. У него одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом. У вспомогательного слова нет собственных именных актантов, оно перенимает их от глагола. Вспомогательное слово сочетается со всеми типами глаголов и не влияет на сочетаемость с синтаксическим актантом в позиции подлежащего.

Как мы увидим позже, все названные признаки до определенной степени градуальны. Виды вспомогательных слов различаются соответственно (квази)грамматическим функциям, которые они выполняют; покажем это на примере польского языка:

- модальные вспомогательные слова: *musi czytać* ‘должен читать’,
- временные вспомогательные слова: *będzie czytał* ‘будет читать’,
- императивные вспомогательные слова: *niech czyta* ‘пусть читает’,
- фазовые вспомогательные слова: *zaczyna czytać* ‘начинает читать’; *kończy czytać* ‘заканчивает читать’,
- пассивные вспомогательные слова (одновременно времени и вида): *został przeczytany* ‘был прочитан’; *jest czytany* ‘читается’; *bywa czytany* ‘регулярно читается’⁶.

3. “МОДАЛЬНЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА” КАК КЛАСС *SUI GENERIS*

Возвращаясь к вышеупомянутой трактовке термина вспомогательных слов, мы можем охарактеризовать МВС следующим образом:

⁶ Трансформация в страдательную конструкцию не зависит от вспомогательного слова. Промоция и демоция актантов в *Jan czyta książkę*, → *Książka jest czytana* – это результат морфосинтаксического процесса, вызванного морфемой причастия страдательного залога {-n-}.

О п р е д е л е н и е 2: Модальное вспомогательное слово – это полифункциональное выражение модальности. Оно сопровождает основной глагол, с которым оно образует сказуемое. У него одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом. У МВС нет собственных именных актантов, оно перенимает их от глагола. МВС сочетается со всеми типами глаголов и не влияет на сочетаемость с синтаксическим актантом в позиции подлежащего.

Далее мы попытаемся, во-первых, описать класс МВС и, во-вторых, показать, что их свойства являются результатами процессов грамматикализации, которые имели место в истории славянских языков.

3.1. Семантика модальных вспомогательных слов

3.1.1. Грамматическая полифункциональность

МВС полифункциональны в том смысле, что они выражают не менее двух видов модальности⁷. Нами выделяются три вида:

- динамическая модальность охватывает все языковые средства, выражающие объективные факторы, обуславливающие реализацию действия (значения “способность”, “объективная возможность” и т.п.);
- деонтическая модальность: здесь реализация действия зависит от чьей-то воли (значения “позволение”, “обязанность” и т.п.);
- эпистемическая модальность: средства, выражающие “определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности” [Беляева 1990: 157]⁸.

МВС могут рассматриваться как полифункциональные, в то время как слова, которые не находятся в процессе грамматикализации, имеют только одно модальное значение⁹. В качестве примера сравним полностью сформировавшееся польское МВС *móc* ‘мочь’ с модальным глаголом *potrafić* ‘быть способным’. Первое выражает ‘способность’ (динам.), ‘объективную возможность’ (динам.), ‘позволение’ (деонт.) или ‘среднюю степень вероятности’ (эпист.), в то время как последний обозначает только ‘способность’:

- способность (динам.):

(12) польск. *Już całe trzy dni cię nie widziałam i nie mogłam/potrafiłam wytrzymać, musiałam koniecznie z tobą się spotkać.* ‘Я не видела тебя три дня, я не смогла бы больше это вынести, я должна была увидеть тебя’.

- объективная возможность (динам.):

(13) польск. *Ale jeśli pani zażąda, mogę? potrafię się postarać o weksle gwarancyjne, a w Europie odesłać natychmiast pod wskazany adres.* ‘Но если вы желаете, я мог бы попытаться получить гарантийный талон, а в Европе я пошлю его как можно скорее по указанному адресу’.

- позволение (деонт.):

⁷ Подробнее о модальной полифункциональности см. работы [van der Auwera, Plungian 1998; van der Auwera 1999; van der Auwera, Ammann (в печати)].

⁸ В русских работах часто используются термины “внутренняя и внешняя возможность/необходимость” и “объективная/субъективная модальность”.

⁹ Здесь мы не будем касаться вопроса, имеем ли мы дело с полисемией или с вариантами одного значения в смысле Ю.Д. Апресяна. Эта проблема уже обсуждалась в другой работе; см. [Hansen 2001].

- (14) польск. *Skazani na najwyższy wymiar kary mogą/*potrafią w stanie Utah wybierać sposób, w jaki chcą umrzeć*. ‘В штате Юта заключенные, приговоренные к смерти, могут сами выбрать вид казни’.
- ‘средняя степень вероятности’ (эпист.):
- (15) польск. *Na Mazurach dzisiaj może!/*potrafi padać*. ‘В Мазурах сегодня может пойти дождь’.

Интересно заметить, что эта полифункциональность присутствует во всех современных славянских МВС, восходящих к праславянскому **mogti*. В качестве еще одного примера, иллюстрирующего разницу между МВС и открытым множеством модальных лексем, возьмем серб. / хорв. МВС *morati* ‘должен’ и прилагательное *dužan* ‘обязан’. Оба слова могут выражать деонтическую необходимость, то есть обязанность:

- (16) серб. / хорв. *Izborna komisija mora/je dužna da donese rešenje na prigovor u roku od 48 časova*. ‘Избирательная комиссия должна вынести решение по каждому иску в течение 48 часов’.

Наряду с этим, *morati* употребляется в динамической функции для выражения объективной необходимости и в эпистемической функции. В этих случаях *morati* нельзя заметить выражением *biti dužan*, ср.:

- (17) серб. / хорв. *Kada se stanje u zemlji sredilo, vratio sam se sa nešto zarađenih para, koje su se brzo potrošile. Morao sam / *Bio sam dužan ponovo da potražim neki posao, ali posla u Valjevu nije bilo*. ‘Когда ситуация в стране стабилизировалась, я вернулся с небольшой суммой денег, которые я заработал. Вскоре деньги были потрачены, и я должен был снова найти работу, но работы в Вальево не было’.
- (18) серб. / хорв. *Odmah je izvadila malu žutu knjižicu od Vladimira Lenjina i upitala: ‘Tko je od vas čito “Korak naprijed, dva koraka nazad”? ‘Ujak je zaključio: ‘To mora / *dužno je da je udžbenik za tango!’* ‘Неожиданно она предъявила маленькую желтую книжку Владимира Ленина и спросила: ‘Кто из вас читал “Шаг вперед, два шага назад”?’ Мой дядя сделал вывод: “Это, должно быть, учебник по танго!”

Грамматическая полифункциональность реализуется не только в этих трех видах модальности. У некоторых МВС есть значения, примыкающие к модальности, как, например, эвиденциальные или темпоральные значения. Такие немодальные функции, которые исторически возникли из модальных значений, называются *п о с т м о д а л ь н ы м и* (ср. [van der Auwera, Plungian 1998]). Это случилось с польским *mieć*, чешским *mít*, словацким *mat* и верхнелужицким *měć* ‘должен был бы’, которые с течением времени приобрели эвиденциальное значение.

- (19) словац. *Juraj ma byt' vrah*. ‘Говорят, Юрай – убийца’.
- (20) верхнелуж. *Kaž su prajili, ma so dzénsa hišće deščować* [Faške 1981: 78] ‘Говорят, завтра будет дождь’.

В этих случаях, говорящий показывает, что он получил информацию от других людей; т.е. источник информации – сообщение.

Выражения необходимости и желания могут также служить основой для приобретения новых временно-аспектуальных значений как, например, будущего времени в украинском и в сербском / хорватском языках:

- (21) укр. *писатиму* ‘буду писать’.
- (22) серб. / хорв. *Vi treba da se iselite u jednu sobicu, a ovde će da dođe jedan drug sa stvarima!* ‘Вы должны поселиться в одну комнату, а сюда придет один товарищ со своими вещами’.

Наряду с модальными и постмодальными значениями, прототипические МВС не имеют лексических значений. Например, у словацкого *môci* ‘мочь’ или русского *мочь* исключительно модальные значения. В отличие от них, серб. / хорв. глагол *smeti/smjeti*, кроме деонтического значения ‘иметь разрешение’, выражает ‘сметь’.

(23) серб. / хорв. *Ja znam, ja kad sam bila u Engleskoj, ja sam bila početak za njih, ma kakvi nisam, ne smem da beknem od straha da ću da pogrešim.* ‘Я знаю, когда я была в Англии, для них я была начинающей [...], я не смела слова промолвить, потому что боялась сделать ошибку [...]’.

Факт, что модальные слова иногда имеют дополнительные лексические значения типа ‘сметь’, объясняет их гибридный характер, послуживший причиной неоднозначного понимания их среди лингвистов. С нашей точки зрения, эта гибридность особенно типична для “размытой” периферии категории. Например, русское модальное слово *должен*, которое кроме модальных значений может выражать ‘быть в долгу’, как в предложении

(24) русск. *Ваня мне должен 100 долларов.*

трактуются как менее типичное, т.е. слабее грамматикализированное МВС, чем, например *мочь*, у которого наблюдаются исключительно модальные значения.

3.1.2. Полифункциональность как результат грамматикализации

Грамматическая полифункциональность – результат семантических сдвигов, типичных для процессов грамматикализации. Семантическое развитие славянских МВС не произвольно, а полностью соответствует движениям по характерным для многих языков мира “к а н а л а м г р а м м а т и к а л и з а ц и и”. В работе [van der Auwera, Ammann (в печати)] показывается, что полифункциональность модальных элементов встречается во всех европейских языках. Диахронические исследования на материале русского, польского и старославянского языков [Ваулина 1988; 2005; Pallasová 1990; 2005; Hansen 2001; 2004б] показывают, что славянские МВС в ранние периоды истории языков были ограничены одним типом модальности; т.е. “предшественники” современных МВС выражают либо исключительно деонтическое, либо динамическое значение. С течением времени, они приобрели новые модальные значения и постепенно становились полифункциональными; так, например, древнерусское слово *должен* и старопольское *powinien* наряду с немодальными значениями выражали обязанность, т.е. деонтическую модальность. Динамические и эпистемические значения появились гораздо позже; подробно об этом в работах [Hansen 2001, 2004б].

Интересные данные можно также почерпнуть из берестяных грамот; см. работу [Hansen 2004б]. В отличие от современного эквивалента, глагол *моуи* в берестяных грамотах встречается очень редко и выражает исключительно ‘объективную возможность’, т.е. не выражает ни деонтического, ни эпистемического значений:

(25) древнерусск.

Ѡ станимира поклоно ко михалоу ко домажиро =
вицоу хоцеси возати половиноу коуно а пороуцене отцебе тво =
емоу по иванока не хоцеси ли да а боле не могу водат(и)

‘От Станимира поклон Михалу Домажировичу. Если хочешь взять половину денег, [то я заплачу] – я поручитель перед твоим отцом за Иванка. Если же не хочешь, так я [все равно] больше дать не могу’.

(Грамота № Тверь 1, XIII в.).

“Слова-предшественники” МВС *надо*, *нужно* и *должен* имеют исключительно предмодальные значения¹⁰, т.е. лексические, немодальные значения, из которых позже развились новые модальные функции: **надобѣ** выступает только в значении “быть необходимым”, т.е. без глагола в инфинитиве.

(26) древнерусск.

покло ѿ филикса ко сменѣ и ко юргю
на бозѣ полжено и на васо аже бѣ
цто прибытка во вѣса бѣдете то вложи
во церкове: а цто бѣде **надобе жене**
моки и ты брате смене дай жене
моки а азо тебе много кланяюся

‘Поклон от Филикса Семену и Юргию. Надежда на Бога и на вас. Если будет сколько-нибудь прибыли в весе, то положи в церковь. А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей. А я тебе низко кланяюсь’.

(Грамота № 414, XIV в.).

нүгене означает “очень, сильно” (1 пример), а **дѣлжнь** – “быть должным” (2 примера).

(27) древнерусск.

[...] а **нүгене** пецалоуся череницами [...]
‘А я сильно озабочена черницами’
(Грамота № 717, XII в.).

(28) древнерусск.

Ѿ рьмышѣ поклананье къ клима (тѣ) и къ павѣ [лѣ]. бѣ дѣла которен
любо потроудиса до владѣтиѣ ська(ж)нта владѣтиѣ мою обиду
и мон вон желѣза а **а емоу не дѣлжнь не нинимъ же** и молю ва са
‘От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас (двоих) доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде и о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему (т.е. обидчику) ничего не должен. Прошу же вас’.
(Грамота № 725, XII в.).

Исторический анализ, проведенный в работе [Hansen 2001], показал, что несколько модальных слов с течением времени утратило свои лексические значения и способность управлять именным дополнением: немецкое МВС *sollen* и польское *powinien* потеряли значение ‘быть в долгу’ и польское *trzeba* в наше время постепенно теряет значение ‘в чем-то нуждаться’ и т.д.

(29) нем. (XVIII в.) *Was soll ich Ihnen für den Tee?* ‘Сколько я вам должен за чай?’

(30) старопольск. (XVI в.) *Wszyscy ludzie powinni mi cześć*. ‘Все люди обязаны оказывать ему почтение’.

(31) польск. (сегодня употребляется редко) *Trzeba mi pieniędzy*. ‘Мне нужны деньги’.

3.2. Морфология модальных вспомогательных слов

Морфологически МВС представляет собой автономный элемент. Таким образом, можно отличить его от независимого инфинитива или аффиксов, подобных венгерскому потенциалису:

¹⁰ Термин “предмодальное значение” – перевод английского ‘premodal meaning’ [van der Auwera, Plungian 1998].

(32) русск. *Мне еще с собакой гулять.*

(33) венг. *Péter elutazhat Görögországba.*

Петр ехатьПОТ ГрецияНАПР

‘Петр может поехать в Грецию’.

Как было упомянуто выше, в славянских языках не существует специальной морфологической маркировки МВС. Поскольку они являются результатом процесса грамматикализации, в их морфологии и синтаксисе проявляются следы тех частей речи, к которым они первоначально принадлежали:

- МВС, произошедшие от глаголов: например, русск. *мочь*, польск. *móc* ‘мочь’, *musieć* ‘должен’, словацк. *musiet’*, серб. / хорв. *trebati* и др.
- МВС, произошедшие от существительных: например, русское *надо* восходит к конструкции с предложным падежом на *ДОБЪ* (от слова *доба* ‘подходящее время’)
- МВС, произошедшие от прилагательных: например, польск. *możno* и русск. *можно* (от слова *możny* ‘могучий’), словен. *lahko* и русск. *нельзя* (от праславянского *льгъкъ* ‘легкий’).

МВС прошли процесс декатегоризации, и поэтому они склонны к проявлению специфических морфологических признаков, которые отличают их от регулярных глаголов, имен существительных и прилагательных; например, deadъективное польское МВС *powinien* имеет уникальную флексию, отличающую его от всех прилагательных и глаголов польского языка. Польские и чешские МВС отглагольного происхождения *móc/mość* ‘мочь’ и *musieć/muset* ‘должен’ не могут образовать ни повелительного наклонения, ни отглагольных существительных и не выступают в совершенном виде¹¹; например, польск. *móc* – **mogi!* – **możenie*.

3.3. Синтаксис модальных вспомогательных слов

3.3.1. Структурные признаки

С синтаксической точки зрения МВС характеризуются следующими признаками:

- 1) у МВС одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом¹². МВС перенимает валентностную структуру основного глагола;
- 2) типичное МВС является частью сказуемого и обычно не встречается в других синтаксических позициях;
- 3) МВС сочетается со всеми типами глаголов и не влияет на сочетаемость с актантом в позиции подлежащего;
- 4) МВС не может независимо от основного глагола находиться в сфере действия наречий.

В отличие от традиционной синтаксической трактовки, мы исходим из того, что у МВС имеется е д и н с т в е н н а я в а л е н т н о с т ь, которая синтаксически реализуется глаголом, а субъект модальности зависит от основного инфинитива. В формате логики предикатов МВС можно рассматривать как одноместную модель МВС (р), в то время как полнозначные глаголы как, например, *дать*, имеют модель ДАТЬ (X, Y, Z): X дает

¹¹ Русские *мочь* и *смочь* имеют разные значения. Об этом и о вопросе, образуют ли они видовую пару, см. работы [Барентсен 2002; Choi 1999].

¹² Иногда этот глагол опускается на поверхностно-синтаксическом уровне, но подразумевается контекстуально или ситуативно и может быть однозначно реконструирован; например: *Мне надо на работу.* < *Мне надо пойти на работу.*

У предмет Z. Мы исходим из того, что морфема инфинитива предоставляет четыре возможности синтаксической реализации субъектной валентности; ср. МОЛЧ- (ПЕТР):

1) субъектная валентность синтаксически не выражается:

(34) русск. \emptyset молчать!

2) субъектная валентность контролируется валентностью управляющего глагола:

(35) русск. *Петр предпочитает \emptyset молчать.* (>Петр молчит.)

(36) русск. *Петр попросил Ваню \emptyset молчать.* (>Ваня молчит.)

3) субъектная валентность выражается в именительном падеже:

(37) русск. *Петр будет/должен молчать.*

4) субъектная валентность выражается в дательном падеже:

(38) русск. *Вам молчать!/Вам надо молчать!*

Как показывают приводимые ниже примеры, модализированный субъект в именительном или дательном падеже не относится к МВС. Если мы сравним польск. МВС *móc* 'мочь' с неграмматикализированным глаголом *potrafić* 'быть способным/уметь', то увидим, что первое не влияет на подлежащее, во то время как второй управляет подлежащим с семантическим признаком + одушевленный; т.е. он подлжит сочетаемостному ограничению.

(39) польск. *Studenci nie mogli zdać egzaminu.* 'Студенты не смогли сдать экзамен'.

(39') польск. *Studenci nie potrafili zdać egzaminu.* 'Студенты не сумели сдать экзамен'.

(39'') польск. *Egzamin nie mógł zostać zdany przez studentów.* 'Экзамен не мог быть сдан студентами'.

(39''') польск. **Egzamin nie potrafił zostać zdany przez studentów.* 'Экзамен не умел быть сдан студентами'.

(40) польск. *Jutro może padać.* 'Завтра может пойти дождь'.

(40') польск. **Jutro potrafi padać.* 'Завтра может пойти дождь'.

МВС *móc* не влияет на роль подлежащего и поэтому делает возможными как трансформацию в страдательный залог без изменения значения (39''), так и построение безличных предложений как (40). *Studenci* в (39) занимает семантическую валентность глагола *zdać* 'сдать', а не слова *móc*. У неграмматикализированного глагола *potrafić* две валентности: одна для актанта-подлежащего и одна для глагола. Поэтому *potrafić* не может быть использовано ни в безличных, ни в страдательных конструкциях. Данное синтаксическое свойство МВС разделяет с вспомогательными глаголами будущего времени типа польского *będzie*:

(39^{IV}) польск. *Studenci nie będą здаwać egzaminu.* 'Студенты не будут сдавать экзамен'.

(39^V) польск. *Egzamin nie będzie zdany przez studentów.* 'Экзамен не будет сдан студентами'.

(40'') польск. *Jutro będzie padać.* 'Завтра пойдет дождь'.

Важно заметить, что предложения (39) и (39'') описывают одну и ту же ситуацию. В отличие от этого, глаголы, не выполняющие функции вспомогательных слов, либо не позволяют трансформацию в страдательный залог, либо придают пассивным предло-

нениями другое значение. Это можно показать на примере чешского *odmítat* 'отказываться':

- (41) чеш. *Jan odmíta vychovavat Karla.* 'Ян отказывается воспитывать Карла'.
(41') чеш. ≠ *Karel odmíta být vychováván Janem.* 'Карл отказывается быть воспитанным Яном' [Benešová 1971: 107].

Эти примеры ясно показывают, что у таких глаголов как чеш. *odmítat* есть собственная валентность для актанта-подлежащего. Из-за этого синтаксического признака глаголы, выражающие желание, не могут быть рассмотрены как прототипические МВС. У них структура – V (X, p).

В отличие от германских, для большинства славянских модальных систем характерна оппозиция между "л и ч н ы м и М В С", согласующимися с подлежащим, и "б е з л и ч н ы м и М В С", употребляющимися только в третьем лице и не допускающими подлежащее в именительном падеже; ср.:

- (42) русск. *Иван может работать и Ивану можно работать.*

Тип А: И.Сущ._{имен. пад.}/∅ + ВСМ. + Гл._{инфин.}

Это наиболее грамматикализированный тип МВС, потому что он может сочетаться с любыми глаголами без исключения, с безличными глаголами, как и с глаголами с неопределенным первым актантом.

- (43) польск. *Musi padać, inaczej zginie pszenica.* 'Должен пойти дождь, иначе пшеница пропадет'.
(44) польск. *Dobry pies ma czekać.* 'Хорошая собака должна лаять'.

Тип Б: И.Сущ._{дат. пад.}/∅ + ВСМ + Гл._{инфин.}

Многие модальные слова формируют безличную конструкцию, в которой сказуемое употребляется в третьем лице единственного числа среднего рода, а первая валентность неопределенной формы глагола выражается либо синтагмой в дательном падеже, либо синтаксическим нулем.

- (45) русск. *(Мне) надо посмотреть, чтобы там у меня не сгорело.*
(46) серб. / хорв. *Valja (mi) priznati [...]* '(Мне) надо признаться [...]'.

Тип В: ∅ + ВСМ. + Гл._{инфин.}

Некоторые МВС, особенно в польском языке, образуют также сказуемое в третьем лице единственного числа среднего рода, но в отличие от предшествующего синтаксического типа допускают реализацию первой валентности основного глагола только в виде синтаксического нуля.

- (47) польск. *Trzeba się pogodzić z faktami. / *Trzeba się nam pogodzić z faktami.* 'Нужно смириться с фактами'.

В западно- и восточно-славянских языках МВС управляют глаголом в инфинитиве, во время как в южно-славянских языках МВС сочетаются также с формами глагола, спрягающимися по лицу и числу, но не по наклонению или времени.

МВС + Гл._{неопред.}

- (48) польск. *Piotr może wejść.* 'Петер может войти.'
(48') чеш. *Petr může vejít.*
(48'') словац. *Peter môže vstúpiť dnu.*

- (48^{III}) верхнелуж. *Pětr móže nutř hić.*
 (48^{IV}) серб. / хорв. *Petar može ući.*
 (49) словен. *Peter mora iti po hišnika.* 'Петер должен идти за смотрителем'.

- МВС + Гл.^{опред.}
 (48^V) серб. *Petar može da uđe.*
 (48^{VI}) болг. *Петър може да влезе.*
 (48^{VII}) словен. *Peter lahko vstopi.*

МВС типа Б и В подлежат сочетаемостным ограничениям: они не могут сочетаться ни с безличными глаголами, ни с глаголами с неодоушевленной первой валентностью. Поэтому следующие предложения неправильны:

- (50) русск. **Надо светать.* (48') польск. **Trzeba światać.*
 (51) русск. **Надо лаять.* (49') польск. **Trzeba szczekać.*

сравним:

- (52) русск. *Должно уже давно светать.*
 (53) русск. *Хорошая собака должна лаять.*

Эти сочетаемостные ограничения зависят не от модального слова, а от конструкции в целом. Такое же ограничение встречается и у морфологических форм, которые подобным образом устраняют первую валентность, как польская форма *-no/-to*:

- (52') польск. **Świtano.* 'люди светали'. (53') **Szczekano.* 'люди лаяли'.

МВС, как правило, не могут находиться в сфере действия наречий независимо от основного глагола, т.е. наречие образует словосочетание не с МВС, а с целым предикативным комплексом, что можно проиллюстрировать следующим примером:

- (54) русск. **Сегодня Петр может завтра остаться дома.*
 (54') русск. *Сегодня Петру позволили завтра остаться дома.*

Так как МВС не способны самостоятельно образовать словосочетания, в (54) наблюдается логическое противоречие: здесь наречия *сегодня* и *завтра* одновременно примыкают к комплексу *может остаться*. В отличие от этого, в (54') *сегодня* примыкает к *позволили* и *завтра* к *остаться*. Эту особенность МВС разделяют с аналитическими показателями будущего времени, как русское *буд-*, которое также не может образовать словосочетания с наречиями. В отличие от временных вспомогательных слов, МВС, однако, могут находиться в сфере действия отрицания; следующие предложения показывают, что отрицание *не* на самом деле может примыкать к МВС отдельно от основного глагола:

- (55) русск. *Учти, что, если лошадь и вернется, это будет не та лошадь.*
 (55') = *это не будет та лошадь.*
 (56) русск. *Ты не можешь приходить сюда каждый день.*
 (56') ≠ *Ты можешь не приходить сюда каждый день.*

В предложении (56) *не* относится к *можешь*, а в (56') к *приходить*.

МВС обычно занимают только позицию сказуемого. Из следующего предложения видно, что русское модальное слово *можно* нельзя использовать в позиции определения:

(57) русск. *В случае критики без разрешения администрация снимает с себя всякую ответственность за возможные/*можные последствия.*

Типичные МВС исключительно и обязательно управляют глаголом в неопределенной форме, они не могут подчинять придаточные предложения; приведем пример из польского языка: сравним модальное имя прилагательное *możliwy* с МВС *można*:

(58) польск. *Jak to było możliwe/*można, że naród Dürera, Bacha, Kanta, Goethego opracowała żądza krwi, mordy, zagłady?* ‘Как это было возможно, что нация Дюрера, Баха, Канта и Гёте была охвачена жадной кровью, убийств и разрушений?’

Заметим, что у некоторых менее грамматикализованных МВС есть возможность сочетания с придаточным предложением:

(59) русск. *А можно, чтобы он снял очки на секунду?*

(60) русск. *Надо, чтобы люди узнали, что такое свобода.*

Элементы, которые могут подчинить придаточное предложение и, кроме того не являются полифункциональными, на наш взгляд, не относятся к полностью сформировавшимся МВС. Таким образом, волитивный глагол *хотеть* следует рассматривать как полнозначный глагол. По этой причине, вопреки традиции в германистике, мы исключили бы немецкий глагол *wollen* из класса МВС:

(61) русск. *Я хочу, чтобы Петр пришел домой.*

(61") нем. *Ich will, dass Peter nach Hause kommt.*

3.3.2. Синтаксические признаки как результат грамматикализации

В истории славянских модальных слов мы находим много примеров тому, что МВС приобретают описанные выше синтаксические признаки. В работе [Hansen 2001] показывается, что большинство “предшественников” современных МВС в ранние периоды истории языков подлежали сочетаемостным ограничениям; например, старопольское слово *powinien* ‘быть должным’ имело три валентности для именных выражений – *powinien* (X, Y, Z) ‘кто-то что-то кому-то должен’, в то время, как сегодня оно имеет структуру *powinien* (p) и сочетается со всеми типами глаголов и первых актантов; сравним два примера:

(62) старопольск. (XVI в.) *Wszyscy ludzie powinni mi cześć.* ‘Все люди обязаны оказывать ему почтение’.

(63) польск. *Zupa powinna być gorąca.* ‘Суп должен быть горячим’.

То же самое можно сказать о древнерусской лексеме *должен*, которая в модальном значении сочеталась исключительно с глаголами с первым актантом, обозначающим людей.

МВС постепенно утрачивают свойства регулярных лексических элементов и начинают вести себя как операторы основного глагола. Таким образом, мы имеем дело с синтаксической конденсацией, т.е. сужением сферы действия, что вслед за Х. Леманом можно рассматривать как один из признаков процесса грамматикализации [Lehmann 1995: 143 и сл.].

4. МВС В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В отдельных славянских языках класс МВС включает в себя ограниченное число элементов. Заметим, что отдельные модальные слова могут различаться по степени их

грамматикализации. Объем статьи не позволяет представить полный список МВС во всех славянских языках, поэтому ограничимся лишь девятью языками:

Русский:

- а) личные МВС *мочь, должен*
- б) безличные МВС *можно, нельзя, надо, следует*
- с) периферийные МВС *надлежит, нужно, приходится* и другие

Польский:

- а) личные МВС *móc, musieć, powinien, mieć*
- б) безличные МВС *trzeba, można, należy, wypada*
- с) периферийные МВС *wolno, nie potrzebować, niepodobna* и другие

Чешский:

- а) личные МВС *moc, muset, mít*
- б) безличные МВС *třeba*
- с) периферийные МВС *smět, potřebovat, lze* и другие

Словацкий:

- а) личные МВС *môcť, musieť, mať*
- б) безличные МВС *treba, možno*
- с) периферийные МВС *smieť, potrebovať* и другие

Верхнелужицкий:

- личные МВС *móc, dyrbjeć, měć, njetrjebać*
- периферийное МВС *směć*

Сербский / хорватский:

- а) личные МВС *moći, morati*, (хорватское *trebati*)
- б) безличные МВС *trebati, valjati*
- с) периферийные МВС *sm(j)eti, ht(j)eti*

Словенский:

- а) личные МВС *lahko, moči, morati*
- б) безличные МВС *treba, valjati, utegniti*

Болгарский:

МВС *мога, трябва*

Старославянский:

- а) МВС *моци*
- периферийное МВС *моцьнь*

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе нашего анализа лежит представление о принципиально градуальном характере лингвистических категорий и о нежесткой границе между грамматическим и неграмматическим. Мы согласны с В.А. Плуноном, который пишет, что «грамматические категории не являются жестко заданными и неизменными структурами; по этой же причине в языках безусловно возможны “более грамматические” и “менее грамматические” явления» [Плунон 2003: 130]. Мы предлагаем определять МВС с помощью комплекса градуальных семантических и синтаксических свойств. Данные из истории славянских языков показывают, что МВС с течением времени становятся более абстрактными и постепенно приобретают валентную структуру вспомогательных слов. Таким образом, можно отнести МВС к тому, что В.А. Плунон называет “грамматической периферией”, т.е. к промежуточной зоне между словарем и грамматикой. В славянских языках МВС имеют тенденцию к взаимоисключаемости и формированию своего рода аналитических парадигм. Таким образом, в славянских языках модальные значения можно рассматривать как “квазиграммемы”, т.е. как необязательные, но регулярно выражаемые значения [Плунон 2003: 133]. МВС постепенно становятся более грамматическими, но они не переходят в прототипические грамматические элементы. Дальнейшая грамматикализация, ведущая к аффиксации и/или к облигаторизации категории, не находит подтверждения.

- Барентсен 2002 – А. Барентсен. О русских глаголах *смочь* и *суметь* // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002.
- Беляева 1990 – Е.И. Беляева. Возможность // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Бондарко 1990 – А.В. Бондарко (ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Ваулина 1988 – С.С. Ваулина. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л., 1988.
- Ваулина 2005 – С.С. Ваулина. Диахронические аспекты исследования модальности в русском языке // В. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.
- Жирмунский, Суник 1965 – В.М. Жирмунский, О.П. Суник (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965.
- Мельчук 1997–98 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. I–II. Москва; Вена, 1997–98.
- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Смирницкий 1959 – А.И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
- Храковский 2005 – В.С. Храковский. Эвиденциальность и эпистемическая модальность // В. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.
- Шатуновский 1996 – И.Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереперентные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М., 1996.
- Шведова 1982 – Н.Ю. Шведова и др. (ред.). Русская грамматика. I–II. М., 1982.
- Anderson 2000 – J.M. Anderson. Auxiliary // G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (eds.). Morphologie. Berlin, 2000.
- Barić et al. 1995 – E. Barić et al. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
- Benešová 1971 – E. Benešová. Syntax slovesné modality. Klasifikace sémantických jednotek slovesné modality // I. Panevová, E. Benešová, P. Sgall (ed.). Čas a modalita v češtině. Praha, 1971.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Choi 1999 – S.H. Choi. Semantics and syntax of *мочь* and *сметь*: their 'aspectual relationship' // Rling. 1999.
- Daneš 1966 – F. Daneš. The relation of centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague. II. Prague, 1966.
- Đurovič 1956 – L. Đurovič. Lexikálno-syntaktycké vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzt'ahov v slovenčine a ruštine. Bratislava, 1956.
- Faßke 1981 – H. Faßke. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Bautzen, 1981.
- Grzegorzczkova et al. 1998 – R. Grzegorzczkova et al. (red.). Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1998.
- Hansen 1998 – B. Hansen. Modalauxiliare in den slavischen Sprachen // SFSI. 43. № 3. 1998.
- Hansen 2001 – B. Hansen. Das Modalauxiliar im Slavischen. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen, Kroatischen und Altkirchenslavischen // Slavolinguistica. 2. München, 2001.
- Hansen 2004a – B. Hansen. The boundaries of grammaticalization. The case of modals in Russian, Polish and Serbian/Croatian // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin, 2004.
- Hansen 2004b – B. Hansen. Выражение модальности в берестяных грамотах // Slavia. V. 73. № 4. 2004.
- Hansen (в печати) – B. Hansen. Ako merat' geografickú konvergenciu jazykov: prípadová štúdia gramatikalizácie v dôsledku jazykového kontaktu v nemecko-maďarsko-slovanskej oblasti // Jazykovedný časopis (в печати).
- Hansen, Karlík 2005 – B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.
- Heine 1993 – B. Heine. Auxiliaries. Cognitive forces and grammaticalization. New York, 1993.
- Jachnow 1994 – H. Jachnow et al. (Hrsg.). Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. Wiesbaden, 1994.

- Kalogjera 1982 – *D. Kalogjera*. The English modals and their equivalents in Serbo-Croatian. Zagreb, 1982.
- Karlík et al. 1995 – *P. Karlík et al. (ed.)*. Příruční mluvnice češtiny. Praha, 1995.
- Kątny 1980 – *A. Kątny*. Die Modalverben und Modaladverben im Deutschen und Polnischen. Rzeszów, 1980.
- King 1996 – *A. King*. Root modals in european languages: A preliminary typology. Antwerp, 1996.
- Korytkowska 1977 – *M. Korytkowska*. Bułgarskie czasowniki modalne. Wrocław, 1977.
- Lehmann 1995 – *C. Lehmann*. Thoughts on grammaticalization. A programmatic sketch. München, 1995.
- Lyons 1977 – *J. Lyons*. Semantics I–II. Cambridge, 1977.
- Mistrík 1983 – *J. Mistrík*. Moderná slovenčina. Bratislava, 1983.
- Pallasová 1990 – *E. Pallasová*. Sémantika možnosti a nutnosti v staroslověnině // *Slavia*. T. 60. 1990.
- Pallasová 2005 – *E. Pallasová*. Ausdrücke der Möglichkeit, Notwendigkeit und Volition im Altkirchenslavischen // *B. Hansen, P. Karlík (eds.)*. Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.
- Palmer 2001 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Cambridge, 2001.
- Petr et al. 1986/87 – *J. Petr et al. (ed.)*. Mluvnice češtiny I–III. Praha, 1986/87.
- Rytel 1982 – *D. Rytel*. Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim. Wrocław, 1982.
- van der Auwera 1999 – *J. van der Auwera*. On the semantic and pragmatic polyfunctionality of modal verbs // *K. Turner (ed.)*. The semantics/pragmatics interface from different points of view. Oxford, 1999.
- van der Auwera, Ammann (в печати) – *J. van der Auwera, A. Ammann*. Modal polyfunctionality and standard average European // *A. Klinge, H. Høeg Müller (eds.)*. Modality. Studies in form and function. London (в печати).
- van der Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera, V.A. Plungian*. Modality's semantic map // *Linguistic typology*. V. 1/2. 1998.
- Večerka 1996 – *R. Večerka*. Altkirchenslavische Syntax III. Die Satztypen: Der einfache Satz. Freiburg i. Breisgau, 1996.
- Weiss 1987 – *D. Weiss*. Polsko-niemieckie paralele w zakresie czasowników modalnych (na tle innych języków słowiańskich) // *G. Hentschel et al. (Hrsg.)*. Sprach- und Kulturkontakte im Polnischen. Festschrift für A. de Vincenz. München, 1987.
- Zifonun et al. 1997 – *G. Zifonun et al.* Grammatik der deutschen Sprache I–III. Berlin, 1997.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.